
Бехрузбек Шодмонбеков
«Любовь, которой не суждено быть... И корона, что разлучает сердца...»
Цена короны
Запретная любовь

Бехрузбек Шодмонбеков

Цена короны. Запретная любовь

«Автор»
2026

Шодмонбеков Б. А.

Цена короны. Запретная любовь / Б. А. Шодмонбеков — «Автор», 2026

История о том как влюбляется служанка в своего господина-принца а их любовь не может быть осуществлена.

© Шодмонбеков Б. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 6
Глава 3 7
Глава 4 8
Глава 5 9
Глава 6 10
Глава 7 11
Глава 8 12
Глава 9 13
Глава 10 14
Глава 11 15
Глава 12 17
Глава 13 19
Глава 14 21
Глава 15 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Бехрузбек Шодмонбеков
Цена короны. Запретная любовь

Глава 1

Вавилон плавился в полуденном зное. Солнце стояло над Зиккуратом Эсагила, превращая медные крыши дворца в раскалённые жаровни.Софи не понимала ни единого слова из тех, что кричали вокруг. Вавилонская речь звучала для неё как сухой хруст песка и рычание диких зверей. Всё, что ей оставалось — ориентироваться по жестам, пинкам и крикам надсмотрщиков. Ей было шестнадцать, и три месяца назад её родную северную деревню сожгли дотла. Её привезли сюда в кандалах и продали на рынке у Ворот Иштар как бессловесный скот.
— Шаму! Нарим! — орал стражник с плетью, указывая на тяжёлый глиняный кувшин.Софи догадалась, что нужно нести воду. Грубая туника натёрла плечи до крови, а кувшин казался наполненным свинцом. На коленях во дворе стояли сотни таких же рабов, уткнувшись лбами в раскалённые плиты.Загремели тяжелые кованые копыта. На рыжем жеребце во двор въехал Шаррукин — наследный принц Вавилона, первенец царя.В свои двадцать один он был закалённым воином, не знавшим жалости. В доспехах из темной бронзы, запылённый после похода, он смотрел на окружающих сверху вниз. Для него эти люди на коленях были не более чем пылью под копытами его коня.Он спустился с коня и, не глядя, бросил перчатки слуге. Голос его прозвучал глухо и властно — короткая команда, смысл которой Софи не поняла.Надсмотрщик грубо толкнул её в спину. Софи споткнулась, удержала кувшин и опустилась на одно колено перед принцем, наливая воду в серебряную чашу. Руки её дрожали от усталости.Шаррукин взял чашу, даже не посмотрев на рабыню. Для него она была обычным бытовым предметом — как этот кувшин или плиты под ногами. Он отпил воду, а затем сухо, с холодным пренебрежением выплеснул остатки прямо Софи под ноги, окропив её босые пальцы.Софи от неожиданности вскинула голову.Она не знала вавилонских законов, запрещавших рабам смотреть в глаза господам. В её светлых, небесно-серых глазах не было привычной покорности — там вспыхнула дикая, чистая гордость чужеземки.Шаррукин на секунду замер. Его взбесил этот взгляд. Какая-то грязная, немая рабыня смеет смотреть на него, как на равного?Он скользнул по ней ледяным взглядом — отметив и растрёпанные светлые волосы, и сбитые пальцы, и эту тихую ненависть в глазах.Принц повернулся к начальнику стражи и бросил пару коротких фраз. Софи не разобрала слов, но увидела, как стражник виновато согнулся.Шаррукин отвернулся и пошёл к парадной лестнице, даже не оглянувшись. Он забрал её к себе в покои не из жалости или симпатии. Он забрал её как строптиву служанку, чтобы сломать этот взгляд и заставить гнуть спину перед ним каждый день.Софи осталась на коленях, сжимая холодную амфору. Она не понимала, что прозвучал приказ, изменивший её жизнь, но по взгляду принца осознала главное: этот человек станет её главным палачом.

Глава 2

Утро в покоях наследника начиналось не с рассвета, а с грохота тяжелых дверей и запаха сухих благовоний.Софи сидела на циновке в дальнем углу каменной комнаты. Прошло уже три дня с тех пор, как её перевели сюда из общих бараков. Три дня бесконечного кошмара, где каждое движение приходилось угадывать по злым щелчкам пальцев или тяжелым взглядам Шаррукина.Она всё ещё не понимала их языка. Для неё приказы принца звучали как глухой рокот подземных рек. Если она путала кувшины с вином или медлила с омовением его ног, Шаррукин не кричал — он наказывал молчанием. Холодным, презрительным игнорированием, от которого впору было взвыть от бессилия.Дверь тяжело скрипнула. Вошёл Шаррукин. Сбросив на ходу бронзовые наплечники, он рухнул на широкое ложе, застеленное шкурами ливийских львов. На его лице залегли глубокие тени — границы империи трещали по швам, на востоке поднимался мятеж, и отец давил на него со всей жестокостью царского трона.— Арум! — бросил он, даже не поворачивая головы.Софи замерла. Этого слова она ещё не слышала. Она поднялась с циновки, неуверенно сделала шаг вперед, сжимая в руках чистый льняной отрез ткани.Шаррукин резко повернулся. Его темные глаза впились в неё с раздражением уставшего зверя. Он указал на свои грязные, покрытые дорожной пылью и запекшейся кровью поножи.— Я сказал: сними это, девка, — процедил принц на своем языке, видя, что она стоит столбом. — Или ты онемела от страха перед настоящим хозяином?Софи не поняла слов, но догадалась по жесткому жесту руки. Она опустилась на колени перед ним. Её пальцы коснулись холодных застежек доспехов. Она действовала механически, стараясь не поднимать глаз, чтобы снова не выдать ту бурю, что клокотала у неё внутри. Для него она была не человеком. Она была живой тряпкой, удобным предметом, который можно заставить вытирать грязь, подавать вино и молча слушать его приказы.Но когда её пальцы случайно коснулись его кожи на щиколотке, Шаррукин резко дёргнул ногу, отпрянув назад.В комнате повисла звенящая тишина. Принц смотрел на неё сверху вниз с ледяной усмешкой, пытаясь заглушить странный, глухой укол где-то под сердцем. Ему не нравилось, как сильно её присутствие начинало отвлекать его от государственных дум.— Ты слишком гордая для рабыни, северянка, — тихо, почти угрожающе произнес он, наклоняясь к её лицу так близко, что она почувствовала запах вина и пыли. — Но я сотру эту гордость в порошок. Ты будешь служить мне так, что сама запросишься на плаху.Он грубо схватил её за подбородок, заставляя поднять голову, и впился взглядом в её светлые глаза. Софи не дрогнула. Она стиснула зубы, сдерживая рвущийся наружу крик ненависти. Они сидели так в полумраке каменных стен — будущий владыка огромной империи и сломленная, но не покоренная девчонка с севера, еще не зная, что эта ненависть уже начала сжигать их обоих изнутри.

Глава 3

Язык Вавилона казался Софи сплошным наказанием.Каждый день превращался в пытку звуками. Шаррукин бросал короткие, отрывистые приказы, от которых у неё звенело в ушах, а она стояла перед ним с опущенной головой, не понимая ровно ничего. Она пыталась уловить смысл по движению губ, по жестким жестам рук, но в ответ чаще всего получала лишь холодное раздражение принца.В тот вечер в покоях стоял тяжелый полумрак. Шаррукин сидел у бронзовой жаровни, изучая карты грядущих походов.— Арум! — резко бросил он, даже не поворачивая головы, и щелкнул пальцами, требуя сменить кувшин с вином.Софи сделала шаг вперед, но ноги от усталости подкосились. Тяжелая глиняная амфора качнулась, и капли темного вина пролились на дорогой персидский ковер у ног принца.Шаррукин резко вскинул голову. В его глазах полыхнула ярость. На мгновение он занес руку, готовый сорвать злость за все дневные неурядицы на этой неловкой девчонке. Но вместо удара последовал ледяной, уничтожающий окрик на вавилонском — быстрый, резкий, полный такого презрения, что переводчику не нужны были слова.Софи не поняла ни звука, но этот тон резанул по живому. Внутри неё поднялась глухая, ослепляющая волна протеста. Она не знала их слов, не хотела понимать их законы и не собиралась дрожать перед ним на коленях.Она резко подняла голову и посмотрела на него в упор — тяжело, с ненавистью, сжав зубы до боли в челюстях. Она упрямо молчала, отказываясь даже издавать звуки на чужом, враждебном языке.Шаррукин замер, чувствуя, как внутри него всё закипает от этого безмолвного вызова.— Ты молчишь? — процедил принц, поднимаясь во весь рост и нависая над ней скалой. Он грубо перехватил её за запястье, сжав пальцы до синяков. — Думаешь, если будешь молчать, я перестану замечать твою тупость и упрямство? Ты здесь никто. Ты — вещь, принесенная с севера, и будешь делать то, что я скажу, даже если твой северный мозг треснет по швам.Софи выдернула руку из его хватки, отшатнулась назад, едва не упав, и тихо, но отчетливо выплюнула на своем родном языке одно-единственное слово, означавшее проклятие. Она не собиралась сдаваться. Язык не шел в горло, слова застревали камнями, но её сопротивление было крепче любых стен Вавилона.Шаррукин сжал кулаки, тяжело дыша. Он отвернулся первым, бросив в темноту комнаты глухой приказ убираться с глаз долой.Они оба оставались запертыми в этих каменных стенах — он со своей властью, которая не могла сломить одну гордую девчонку, и она со своей ненавистью, которая медленно, незаметно для них обоих превращалась в нечто совсем другое.

Глава 4

Во дворце говорили, что у принца Шаррукина нет сердца. Софи была готова поклясться, что это правда.Каждый день в его покоях казался ей битвой, в которой у нее не было оружия. Шаррукин изматывал ее мелкой, въедливой работой: заставлял до блеска чистить тяжелые бронзовые доспехи, часами стоять у дверей без движения и подносить чаши с холодным вином, едва он шевельнет пальцем. Он относился к ней с нарочитым холодом, словно доказывая самому себе: эта девка — просто еще одна невольница, бессловесная тень на стене.А Софи ненавидела его всем существом.Она ненавидела его уверенную чеканную походку, его тяжелый взгляд, от которого у нее перехватывало дыхание, и ту власть, которую он имел над ее жизнью. Когда она подавала ему кубок, в ее груди все закипало от желания выплеснуть это вино ему в лицо. Но она молчала, сжав зубы так, что белели губы, и выдерживала его ледяные приказы.Ночью, когда принц засыпал на своем ложе, Софи лежала на жесткой циновке в углу и смотрела в темный потолок. Она шепотом повторяла слова, которые случайно услышала за день, коверкая звуки и ломая язык.«Дику... — мысленно шептала она, пытаясь вспомнить, как стражники называют принца за глаза. — Жестокий... деспот...»Однажды ночью Шаррукину снился кошмар — липкий, кровавый сон о проигранном сражении, где песчаные бури засыпали тела его воинов. Он резко проснулся, тяжело дыша, с мечом в руке, и в темноте наткнулся взглядом на Софи. Она не спала. В полумраке ее светлые глаза горели ровным, непокорным огнем.— Чего уставилась? — глухо оскалился Шаррукин, убирая клинок. Его голос дрожал от остатков ночного бреда, и эта слабость перед рабыней приводила его в бешенство. — Спи, пока я не заставил тебя выскребать внутренности этих стен до рассвета.Софи не поняла слов, но увидела, как вздрагивают его широкие плечи. На секунду в ее голове промелькнула дикая, безумная мысль: он тоже человек. Ему тоже бывает больно и страшно.И от этой мысли ее обдало морозом. Нет. Он — ее враг. Он — тот, кто приковал ее к этому раскаленному Вавилону.Она резко повернулась к нему спиной, укутавшись в грубое покрывало. Шаррукин сжал кулаки, глядя на ее тонкую и хрупкую спину.Внутри него клокотал яд. Он убеждал себя, что презирает ее за тупость и чужой язык. Но на самом деле его звали и пугали те секунды, когда в тишине ночи он ловил на себе ее прямой, нерабский взгляд — единственный честный взгляд во всем этом лживом дворце

Глава 5

Во дворце пахло грозой, железом и страхом.Весть с востока пришла посреди ночи: персидские племена объединились и двинулись на имперские заставы. На вершинах зиккуратов забили тяжелые бронзовые барабаны, сзывая легионы.В покоях Шаррукина царил сухой, деловой хаос. Принц в спешке затягивал кожаные ремни доспехов, лицо его было высечено из камня, а мысли — уже там, на пыльных дорогах войны. На полу валялись отброшенные свитки и походные клинки.Софи стояла в тени колонны, прижимая к груди стопку чистой ткани. Внутри нее всё леденело. Слухи ползли быстро: принц уходит воевать на восток.Шаррукин резко обернулся, заметив ее в углу. На секунду его тяжелый взгляд задержался на ее лице. Между ними повисло то самое привычное, колючее напряжение — нити ненависти и взаимного недоверия, которые они вили месяцами. Ни один из них не собирался сдаваться или показывать слабость.— Завтра на рассвете я выступаю, — бросил принц сухо и отрывисто на вавилонском. — Ты остаешься здесь. Будешь выполнять свою работу в пустых покоях, пока я не вернусь. А если попытаешься сбежать или устроить глупость — стража знает, что делать.Софи не поняла каждого слова, но смысл уловила безошибочно. Он уходит. Уходит туда, где смерть ходит за каждым легионером.В ее светлых глазах вспыхнула странная, жгучая искра. Не слезы, не радость — глухой протест против того, что этот человек исчезает из ее жизни именно тогда, когда они только научились выживать рядом друг с другом. Но на губах не дрогнул ни один мускул. Она молча склонила голову, показывая внешнюю покорность, за которой пряталась сталь.Шаррукин раздраженно отвернулся, чувствуя, как этот ее молчаливый вызов царапает где-то под ребром. Ему нужно было думать о войне, о легионах, о границах империи, а в голове крутился образ этой упрямой северянки.Он резко подхватил с ложа плащ, бросил на нее последний тяжелый, злой взгляд и вышел из покоев, захлопнув тяжелую дверь.Софи осталась стоять в пустой, погруженной в сумерки комнате. Война забирала его, оставляя ее наедине со стенами Вавилона, чужим языком и странной, невыносимой пустотой в груди, в которой она боялась признаться самой себе.

Глава 6

Дворец без Шаррукина словно задохнулся.Тяжелая, давящая тень принца исчезла вместе с его легионами, ушедшими на восточные границы. Для большинства рабов и слуг это время принесло долгожданное затишье — можно было вздохнуть полной грудью, не опасаясь в любой момент нарваться на ледяной гнев хозяина. Но для Софи это была не передышка. Это был шанс.Первые ночи после его ухода она потратила не на сон, а на то, чтобы изучать дворец изнутри. Пока дворец спал, она бесшумно передвигалась по темным коридорам, запоминая скрип половиц, расположение постов стражи и тяжелые заслоны на дверях. Несколько вавилонских слов — стража, дверь, ночь — въелись в память намертво, став ее единственным оружием в этом каменном мешке. Она на севере и не через такое проходила поэтому это не заставила труда .В ту ночь задул горячий пустынный ветер, принесший с собой запах гари и раскаленного песка. На небе не было ни единой звезды.Софи поднялась с жесткой циновки так тихо, что даже ее собственное дыхание казалось ей громким. На ней была простая, грубая одежда служанки, а босые ступни ступали по холодным плитам с абсолютной осторожностью. Сердце колотилось где-то в горле, глухо отдавая в висках. Она знала: если её поймают, пощады не будет. Побег из личных покоев наследника карался жестоко. Но оставаться здесь, ждать его возвращения, как покорная вещь, было выше ее сил.Она проскользнула за тяжелые шелковые занавеси, миновала пустой коридор, где обычно стояли стражники, и спустилась по узкой винтовой лестнице в хозяйственную часть цитадели.Там пахло прелой соломой, кислым вином и конским потом. До спасительного выхода — низких задних дверей, через которые на кухню доставляли припасы, — оставалось сделать всего несколько шагов по темному сводчатому тоннелю.Внезапно из глубокой тени арки выступил тяжелый силуэт стражника. Желтоватый свет факела упал на его бронзовые доспехи и острие длинного копья, преградившего ей путь.— Эй! Ты кто такая? Куда собралась посреди ночи? — рявкнул он на жестком вавилонском диалекте.Софи отшатнулась назад, чувствуя, как по спине пробегает ледяной пот. Путь был отрезан. Первая попытка вырваться из золотой клетки рухнула в самом начале. Но в её светлых глазах вместо страха вспыхнула лишь глухая, упрямая злость — она еще не была готова сдаваться.

Глава 7

Стражник двинулся вперед, преграждая узкий проход массивным древком копья. Его грубое лицо в мерцающем свете факела не предвещало ничего хорошего: рабыня, блуждающая по внутренним переходам в запретный час, автоматически подлежала плетям или подземелью.Софи лихорадочно соображала. Бежать было некуда — позади только глухой тупик кухни и запах прелой соломы. Оружия у нее не было, а силы были неравны. Но вместо того чтобы забиться в угол или упасть на колени, как ждали от простой невольницы, она резко качнулась в сторону и, используя инерцию движения, со всей силы швырнула прихваченный с собой тяжелый глиняный кувшин прямо в стену рядом со стражником.Осколки с грохотом разлетелись по каменному полу, звеня и рикошетя в темноте.Стражник выругался, на секунду растерявшись от неожиданности и оглушительного звона. Этого короткого мгновения Софи хватило, чтобы броситься вперед. Нырнув под острие копья, она со злостью толкнула громоздкого воина в грудь и бросилась в распахнутую настежь служебную дверь, ведущую в ночной сад цитадели.В лицо ударил горячий, сухой воздух Вавилона. Вокруг шумели финиковые пальмы, а в темноте усыпавших дворец дворов уже зашевелились тени сбежавшейся на шум стражи.— Держи беглянку! — пронеслось за спиной эхом, усиленным каменными сводами.Софи бежала босиком по раскаленной за день земле, не разбирая дороги. Колючие ветки кустов царапали кожу, в груди горело от нехватки воздуха, а в ушах стучала кровь. Она вырвалась из клеток личных покоев, но оказалась в самом сердце враждебного, огромного города, который ненавидел ее так же сильно, как она ненавидела его.Тем временем в тысяче лиг от Вавилона, на восточных рубежах империи, где горизонт полыхал от пожарищ мятежных лагерей, принц Шаррукин сидел у походного костра.Огонь отбрасывал зловещие тени на его тяжелые доспехи. Перед ним на песке была развернута карта, но мысли наследника престола находились вовсе не там. Его пальцы с силой сжимали рукоять меча. С того самого момента, как он перешагнул порог дворца и двинул легионы в поход, в его голове неотступно стоял один и тот же образ — светлые, непокорные глаза северянки, смотревшие на него без капли страха.Шаррукин раздраженно отбросил веточку, которой чертил линии на земле. Его раздражало, что даже вдали от столицы, в дыму и грохоте войны, эта девчонка не выходила у него из головы. Но победа была за нами вздохнул я с облегчением. В этот момент полог походного шатра откинулся, и внутрь быстрым шагом вошел запыленный гонец с восточной заставы, держа в руке запечатанный глиняный цилиндр с царской печатью.— Мой принц! — гонец тяжело опустился на одно колено, переводя дыхание. — Вести из столицы.Шаррукин резко поднял голову, в темноте его глаз блеснул опасный, хищный огонек.— Говори, — глухо бросил он, чувствуя недоброе.Гонец поднял глаза:— Семивратный Вавилон взбудоражен. Ночью из ваших личных покоев совершила побег северная рабыня. Стража поднята по тревоге, город перекрыт, но следы ведут к развалинам старого храма.На мгновение в шатре повисла абсолютная, звенящая тишина.Шаррукин медленно поднялся во весь рост, возвышаясь над гонцом подобно грозовой туче. На его смуглом лице выступили желваки, а пальцы с такой силой сжались в кулаки, что кожа на костяшках побелела. Она посмела. Маленькая, упрямая девчонка, которую он оставил запертой в каменной клетке, бросила ему вызов перед лицом всей империи.Внутри него всколыхнулась буря — ярость смешивалась со странным, жгучим предвкушением.— Седлайте коней, — холодно и чеканно произнес принц, срывая с крюка тяжелый бронзовый наплечник. — Мы возвращаемся в Вавилон. Никто не смеет бежать от меня.

Глава 8

Ночной Вавилон казался гигантским каменным лабиринтом, готовым сожрать беглянку.Софи не помнила, как проскочила через караульные дворы и затерялась в узких глинобитных переулках нижнего города. Здесь, далеко от сияющих золотом зиккуратов и белых колонн царского квартала, улицы были темными, тесными и пахли кислым пивом, пылью и тухлой рыбой. Босые ступни кровоточили о гравий, а в легких горело так, будто она вдохнула раскаленный песок.Сзади, со стороны дворцовых ворот, донесся глухой, нарастающий гул. Копыта тяжелых боевых коней выбивали искры из мостовой — погоня не заставила себя ждать. Шаррукин не собирался давать ей фору.Софи шмыгнула в глубокую тень под навесом глинобитной лавки, прижавшись спиной к прохладной стене. Сердце колотилось в горле безумным птичьим ритмом. Сквозь заунывный вой ночного ветра до нее донесся низкий, властный окрик на вавилонском — стражники прочесывали квартал, перекрывая выходы к реке.Она знала: если сунуться к воротам или попытаться выйти на открытую дорогу, ее схватят в ту же секунду. Единственное место, где можно было затеряться среди руин старых кварталов и обвалившихся глиняных стен, — это заброшенный храм древних богов на окраине города, куда даже городская стража старалась не соваться после закатного часа.Софи сжала зубы, подавляя готовый вырваться стон боли от разбитых ног, и бесшумно нырнула в темный проход между домами, уходя все глубже в лабиринт ночных трущоб.Тем временем на окраине города уже рвали воздух тяжелые фырканья коней.Шаррукин вел отряд лично. Черный конь под ним был покрыт мыльной пеной, но принц не давал передышки ни себе, ни людям. В его глазах полыхал ледяной, яростный огонь. Его предали, его авторитет растоптала девчонка-рабыня, сбежавшая из его собственных покоев под покровом ночи. Но больше всего его бесило не уязвленное самолюбие, а странное, обжигающее чувство где-то под ребрами — страх за нее, смешанный с диким желанием загнать беглянку собственными руками.— Следы ведут к старому кварталу у разрушенного храма! — крикнул командир стражи, подскакивая к принцу. — Там сплошные развалины и лабиринты, в темноте ее трудно будет выцепить!Шаррукин резко осадил коня, вскинув руку. Лицо его было высечено из камня.— Оцепить периметр, — чеканно бросил он, спрыгивая на пыльную землю с седла. — Ни единой живой души выпускать из квартала. А за ней я пойду сам.

Глава 9

Софи пробиралась сквозь паутину полуразрушенных стен храма. Здесь царила гробовая тишина, нарушаемая лишь шорохом ночных змей и свистом ветра в треснувших колоннах.Она забилась в глубокую нишу за обвалившейся каменной плитой, пытаясь унять сбившееся дыхание. Ноги ныли, пальцы на руках кровоточили от заноз и камней. Свобода пахла пылью, страхом и близким рассветом.Вдруг в тишине раздался тяжелый, размеренный стук шагов. Не солдатские крики, а одиночные, уверенные шаги человека, который знал этот город наизусть и шел по ее следам безошибочно, как хищник за раненым зверем.Софи замерла, вжавшись в холодный камень, и судорожно нашарила под рукой тяжелый осколок кирпича.Тень у входа в нишу сгустилась. Тяжелый бронзовый наплечник блеснул в слабом лунном свете, пробивавшемся сквозь дыру в куполе.Шаррукин стоял перед ней. Его темные глаза прожигали темноту насквозь, а на губах застыла опасная, злая усмешка.— Ну здравствуй, беглянка, — тихо произнес он, делая шаг в ее сторону и преграждая единственный путь к отступлению. — Игра в прятки окончена.Не давая ему сделать еще один шаг, Софи из последних сил вскочила на ноги и с размаху обрушила тяжелый кирпич прямо ему в висок.Удар пришелся глухо. Шаррукин качнулся и рухнул на каменный пол храма без чувств.В наступившей тишине Софи тяжело дышала, сжимая в окровавленных пальцах обломок. Путь был свободен. За стенами храма раскинулся ночной город, и у нее был шанс раствориться в темноте навсегда. Она занесла руку с камнем, глядя на лежащего перед ней беззащитного врага. Вот он — шанс покончить со всем, отомстить за сожженную деревню, за каждый унизительный день в его покоях.Но удар так и не последовал.Перед глазами вспыхнуло лицо матери. Её тихий голос звучал в памяти отчетливо и больно: «Будь человечнее, доченька... Все люди под одним небом ходят, не дели их на своих и чужих». Мать, которая учила её милосердию даже в самые темные времена, и которую безжалостно убили те самые солдаты вавилонской армии, чей предводитель лежал сейчас перед ней.Софи судорожно выдохнула, разжала пальцы, и кирпич со стуком упал на камни. У неё не хватило духу добить его. Её собственная совесть, воспитанная матерью, оказалась сильнее ненависти. Она не могла стать убийцей.Она осталась сидеть на полу рядом с поверженным принцем, не пытаясь бежать, позволив подбежавшей со свистом факелов страже окружить их.Когда Шаррукин пришел в себя, опершись рукой о раскаленную голову и тяжело морщась от боли, он поднял взгляд и увидел её — сидящую неподалеку, сломленную не стражей, а собственным милосердием. Их глаза встретились в предрассветном мраке старого храма, и в этом молчании читалось куда больше, чем тысяча слов.

Глава 10

Покои наследника встретили их тяжелым, давящим полумраком.Стража замерла у массивных дверей, ожидая привычного приказа о наказании. За побег из личных покоев принца полагалась плеть, а то и темница. Но Шаррукин, тяжело опершись рукой о косяк и чувствуя, как пульсирует тупая боль в разбитом виске, коротко и резко махнул рукой.— Прочь. Все вон.Солдаты переглянулись, но спорить не смели. Тяжелые двери захлопнулись, отрезая их от внешнего мира. В комнате повисла звенящая, тяжелая тишина.Шаррукин медленно повернулся к Софи. На ее руках все еще запеклись следы крови и дорожной пыли, одежда была изорвана в клочья, а на уставшем лице читалась глухая, покорная отрешенность. Она не пыталась вырваться или спрятаться. Она просто стояла посередине комнаты, ожидая своей участи.Принц подошел ближе, его темные глаза впились в ее лицо. Внутри него бушевал ураган из ярости, недоумения и странного, обжигающего трепета.Он помнил тот момент в храме. Он лежал на холодных камнях беззащитный, а она стояла над ним с тяжелым осколком в руке. У нее был идеальный шанс. Хватило же духу ударить его так, что он потерял сознание! Она могла добить его одним ударом. Или просто бросить умирать в заброшенных развалинах и раствориться в ночном городе, обретя долгожданную свободу. Путь был открыт.Так почему? Почему она не сделала этого? Почему осталась сидеть на полу, ожидая стражу, словно сама пришла сдаться?Шаррукин сжал челюсти так, что на скулах заходили желваки. Этот вопрос жег его изнутри, не давая покоя.Он ожидал от нее чего угодно — злобы, слез, мольбы, но не этого молчаливого, непостижимого милосердия, которое ломало все его привычные представления о мире и о рабах.Принц отвернулся, резким движением сбросив тяжелый воинский пояс на стол. Впервые с момента их встречи он не собирался наказывать ее.— С глаз долой, — бросил он глухо, не глядя на нее, но в голосе уже не было прежней ледяной жестокости — лишь глухое замешательство. — Ступай в свой угол. Эту ночь ты свободна от работы.Софи не издала ни звука. Шатаясь от усталости и боли во всем теле, она молча доплелась до своего жесткого ложа в самом дальнем углу комнаты и опустилась на него, свернувшись калачиком, словно измученная, загнанная собака. Через несколько минут ее дыхание стало ровным — силы оставили ее окончательно.А Шаррукин остался стоять у погасшей жаровни. Он наливал в кубок вино, но даже не притрагивался к нему, снова и снова прокручивая в голове тот удар кирпичом и ее холодные, гордые глаза. Он ломал голову над ее поступком, чувствуя, как эта северянка постепенно забирает под свой контроль все его мысли, превращая их жизнь в опасную, неразгаданную игру.

Глава 11

Утро наступило быстро, затопив покои раскаленным вавилонским солнцем.Шаррукин так и не сомкнул глаз. За ночь вино в кубке выдохлось, а боль в виске сменилась глухим, въедливым напряжением. Принц стоял у высокого окна, выходившего на Зиккурат, и наблюдал, как Софи просыпается в своем углу.Она поднималась тяжело, превозмогая боль в израненных ногах. Одежда превратилась в рваное тряпье, руки были исчерчены ссадинами и запекшейся кровью. Она ждала привычного крика, приказа подать воду или наказания за вчерашний побег. Но Шаррукин молчал.Он отвернулся от окна, подошел к тяжелому резному столу из черного дерева, где обычно разбирал донесения военачальников, и сделал то, чего рабыня никак не могла ожидать.Принц подхватил со стола свежую глиняную табличку, еще не успевшую полностью высохнуть, и деревянное стило — тростниковую палочку для письма. Он бросил короткий взгляд на слугу-писца, который безмолвно дежурил у дверей, и выпроводил его жестким жестом.— Подошла сюда, — раздался его низкий, окрепший после бессонной ночи голос.Софи замешкалась на секунду, стиснув зубы от усталости, но молча сделала несколько шагов вперед, оставив между ними дистанцию.Шаррукин не стал принуждать ее подходить ближе силою. Он опустил глиняную табличку на край стола, с легким стуком положил рядом стило и указал на них пальцем.— Ты не сломалась от плетей, — тихо, но чеканно произнес принц на своем языке, вглядываясь в ее небесно-серые глаза, в которых всё еще горел гордый северный огонь. — Ты подняла на меня руку. Ты могла убить меня в руинах, но струсила... или пощадила. И то, и другое делает тебя опасной, пока ты молчишь.Софи не понимала большинства слов, но её взгляд зафиксировался на дощечке и тростниковой палочке.Шаррукин взял стило, уверенным резом вывел на мягкой глине несколько клинописных знаков и указал сначала на этот знак, а затем на кубок с водой, стоявший на краю стола.— «Ме», — отчетливо произнес он вавилонское слово, означавшее «вода». — Повтори.Софи поджала губы. Внутри неё вспыхнуло упрямое подозрение. Зачем господину учить рабыню грамоте? Зачем тратить время на чужеземку, когда за такое в Вавилоне отсекают руки? В её представлении это была новая форма истязания — заставить её подчиниться не только телом, но и разумом, выжечь из неё родную речь и вложить взамен знаки империй-завоевателей.Она продолжала упрямо молчать, выдерживая его прямой взгляд.Шаррукин сократил дистанцию. Он шагнул вплотную, взял ее за хрупкую, вымазанную в пыли кисть и насильно вложил деревянное стило в ее окровавленные пальцы, сжав их своей широкой, горячей ладонью.— Я не спрашиваю твоих желаний, северянка, — процедил он, наклоняясь так близко, что она ощутила его горячее дыхание на своей щеке. — Ты заговоришь на моем языке. Ты научишься писать моими знаками. Я хочу знать, о чем ты думаешь, когда смотришь на меня с этой глухой ненавистью.Он надавил на её руку, заставляя провести тростниковой палочкой первую ровную черту по мягкой глине.Софи дрогнула от этого прикосновения. Её пальцы вздрогнули, но она не выдернула руку. На мгновение их глаза встретились — и в этом жестоком уроке грамоты было куда больше скрытого, опасного притяжения и борьбы властей, чем во всех прошлых приказах и угрозах.Утреннее обучение превратилось в молчаливую войну выдержки.Шаррукин сидел напротив Софи, заставляя её снова и снова выводить один и тот же символ на глиняной дощечке. Каждая ошибка пресекалась сухо и строго: он просто отбирал стило, заглаживал неправильный знак пальцем и заставлял делать заново.Ни криков, ни ударов плетью, к которым Софи уже успела привыкнуть за месяцы неволи. Эта неожиданная сдержанность пугала её куда сильнее привычной жестокости вавилонских надсмотрщиков. Принц вел себя так, будто обучал не бесправную рабыню, а равного соперника, чей разум он вознамерился покорить до последнего уголка.— «Арум», — повторил Шаррукин, указуя на знак, означавший приказ «встать». — Скажи это.Софи сжала тростниковую палочку так, что побелели костяшки. Язык казался чужим, тяжелым, словно во

рту застрял раскаленный песчаник.— А-рум... — с глухим, чужеродным акцентом вытолкнула она из себя первичное слово. Голос её от долгого молчания звучал хрипло, но чистая северная сталь никуда не исчезла.Шаррукин едва заметно прищурился. На губах принца на мгновение проскользнула едва уловимая, теневая полуулыбка — первая за все дни их знакомства.— Уже лучше, — бросил он, поднимаясь из-за стола. — На сегодня достаточно.В этот момент тяжелые двери покоев без стука распахнулись. На пороге появился командир царской стражи в сопровождении двух вооруженных воинов. На его лице читалась спешка и глухое недоумение.— Мой принц! — громко произнес командир, склонив голову. — Царский совет требует твоего присутствия у Ворот Иштар. Прибыли гонцы с северных границ, а кроме того... слухи о вчерашнем побеге этой девки дошли до двора. Стража ждет указаний о публичном наказании за покушение на твою жизнь.Софи обомлелв Слово «наказание» и жесткие интонации стражника она узнала мгновенно. Рука судорожно сжала стило.Шаррукин медленно повернулся к командиру. Лицо его вмиг превратилось в ледяную маску, не выражавшую ни единой эмоции. Он шагнул вперед, полностью закрыв своим широким плечом стоящую у стола Софи от взглядов солдат.— Девка наказана мною лично, — высеченным из гранита голосом произнес наследник. — Каждому, кто сунет нос в мои покои или попытается коснуться ее без моего приказа, я лично отсеку голову. Это понятно?Командир стражи виновато сжался, не смея спорить с темным гневом первенца царя.— Слушаюсь, мой принц.— Вон, — отрезал Шаррукин.Когда двери снова закрылись, воцарилась прежняя тишина. Шаррукин повернулся к Софи. Она стояла у стола, переведя на него ошеломленный, непонимающий взгляд. Впервые господин защитил её перед своими же людьми.— Не обольщайся, — сухо бросил он, подбирая свой тяжелый воинский меч. — Ты принадлежишь мне. И твою судьбу буду решать только я.Оставив её наедине со свежими глиняными табличками, принц стремительным шагом покинул покои, заперев за собой тяжелые засовы.

Глава 12

Слухи в царском дворце распространялись быстрее, чем степной пожар.То, что наследный принц Шаррукин публично отшил командира стражи и взял под личную защиту варварку с севера, которая ещё и посмела поднять на него руку в храме, стало главной пищей для сплетен всех сановников, евнухов и наложниц. В закрытых покоях знати за спиной принца уже шептались: суровая непреклонность Железного Принца дала трещину. Девица околдовала его, лишила рассудка.Для Софи эти дни превратились в новое испытание. Теперь за ней следили не просто как за рабыней — на неё смотрели как на мишень.В тот день Шаррукин с самого утра ушел на совет к отцу. Разговор между ними тянулся тяжело. Отношения принца с царём всегда напоминали скрытый поединок двух львов: старый правитель давил авторитетом, а Шаррукин отвечать уступками не умел. Но в глубине души царь видел, что его первенец вырос самостоятельным, жестким и способным держать в страхе всю Азию. Старый правитель, уставший от постоянных столкновений с гордым сыном и желавший убрать амбициозного наследника с глаз долой, принял решение. Он официально высылал Шаррукина из столицы, отправляя его наместником на те самые новые, суровые земли, которые принц недавно завоевал на востоке. Это была ссылка, замазанная золотом и титулом «второго короля» новых рубежей, но Шаррукин принял её без возражений. Царь позволил ему самому выбрать людей для своей новой ставки, разрешив забрать ту свиту и тех слуг, каких он пожелает.Пока принц был у отца, в его личных покоях воцарилась тревожная тишина. Софи сидела на циновке, склонившись над глиняной табличкой. Деревянное стило привычно ложилось в пальцы, выводя жесткие, угловатые знаки вавилонской клинописи. Уроки давались тяжело, сопротивление внутри неё кричало, но холодный разум подсказывал: каждое выученное слово — это еще один шаг к тому, чтобы перестать быть глухой тенью в чужом доме.Внезапно тяжелые дубовые двери покоев скрипнули. Личная стража принца попыталась преградить путь вошедшим, но их оттеснили.На пороге возник главный виночерпий царя — холеный вельможа Ашшур-надин в сопровождении царских копьеносцев.— Значит, это та самая северная бродяжка, из-за которой принц устроил скандал у ворот? — его голос прозвучал с тонким пренебрежением. — Принц слишком увлечен и забыл, что правила устанавливает не он один.Софи молча поднялась с циновки. Она не знала его имени, но по хищному, надменному прищуру и тяжелым взглядам стражников сразу поняла: этот человек пришел не с миром. Она инстинктивно отступила на шаг назад, пальцы правой руки судорожно нашарили на столе тяжелое деревянное стило, способное послужить импровизированным оружием.— Уведите её, — кивнул виночерпий стражникам. — Посмотрим, как Шаррукин заговорит, когда вернется.Солдат шагнул вперед, протягивая тяжелые бронзовые кандалы. Софи отшатнулась, готовая драться до последнего, но в этот момент грохот тяжелых шагов заставил всех замереть.Двери покоев не просто отворились — их сзади сокрушительным ударом распахнул вернувшийся Шаррукин.Лицо наследника было темнее тучи, темные глаза полыхали слепой яростью. Увидев чужих солдат в своих покоях и протянутые к Софи кандалы, он не стал задавать вопросов. В три шага преодолев расстояние, Шаррукин схватил обнаглевшего стражника за горло и с такой силой швырнул его в каменную колонну, что по залу пронесся сухой треск. Второй солдат инстинктивно отпрянул, хватаясь за рукоять меча, но принц мгновенно выбил клинок из его рук и обрушил тяжелый кулак ему в челюсть, свалив с ног.Ашшур-надин побледнел, отступая к дверям.— Ты... ты не имеешь права! — заикаясь, выкрикнул вельможа. — Я действую по воле царского совета!— В моих покоях порядок устанавливаю я, — высеченным из гранита голосом произнес Шаррукин, нависая над ним. — Ты ступил на мою землю, собака.Одним рывком принц выдернул из-за пояса кинжал и резким взмахом рассек вельможе плечо, заставив того взвыть от боли и рухнуть на колени.— Пошел вон. И если я еще раз увижу твое сопливое рыло рядом с моими дверями —

я отрублю тебе голову и выставлю её на Воротах Иштар.Окровавленных и напуганных гостей вытащили из покоев личные гвардейцы Шаррукина, стремительно заперев засовы.В комнате снова воцарилась тишина. Шаррукин тяжело дышал, опираясь о стол. Софи стояла в углу, ошеломленная той безумной жестокостью, с которой он только что защитил свою территорию — и её вместе с ней.Принц медленно повернулся к ней, тяжело проводя ладонью по лицу. Он шагнул к Софи вплотную, вглядываясь в её небесно-серые глаза.— Отец отправляет меня на восточные рубежи, — глухо произнес он, касаясь пальцами её подбородка. — Я могу выбрать любых слуг для новой дороги. Но ты поедешь со мной не как служанка, а как моя личная тень. В столице тебя бы разорвали советники, как только я переступлю порог дворца. Там, на новых землях, правила буду устанавливать я.Софи молча смотрела на него, понимая главное: их игра не закончена. Она поднимается вместе с ним туда, где нет законов старого Вавилона — только песок, чужой край и их бесконечная, сжигающая друг друга борьба.

Глава 13

Утром массивные ворота Иштар отворились, выпуская за пределы столичных стен длинную, змеящуюся колонну царского обоза.Дорога на восток лежала через выжженные солнцем равнины, где степной ветер сменялся горячим дыханием каменистых пустынь, а за ними поднимались зубчатые гребни новых, покоренных Шаррукиным провинций. Это был край дикий, непокорный и пропитанный кровью недавних сражений. Воздух здесь пах пылью, серой и чужой свободой — совсем не так, как в прохладных, удушливых садах вавилонского дворца.Колонна двигалась медленно, скрипя тяжелыми деревянными колесами повозок. Впереди, верхом на вороном жеребце, окруженный личной гвардией, ехал сам Шаррукин. Его тяжелый плащ развевался на ветру, а лицо было скрыто тенью высокого шлема.Позади золотой колесницы принца тянулась целая вереница повозок с припасами, оружием и дворцовой челядью. По личному приказу старого царя, выславшего сына с правом набрать свиту, Шаррукин прихватил с собой несколько столичных наложниц и служанок, прежде деливших с ним ложе. Теперь эти изнеженные женщины ехали под навесами крытых телег, кутаясь в тонкие шелка и бросая полные презрения взгляды сквозь занавески.Для Софи места в их повозках не нашлось — да принц и не позволил бы ей затеряться среди дворцовых подстилок. Но и в общую колонну с грязными, изнуренными рабовниками он её не бросил.Ей отвели особое, унизительное и в то же время приковывающее все взгляды положение. Софи шла пешком, занозив ноги, привязанная длинной сыромятной веревкой к задку одной из средних повозок, где везли тяжелые мешки с зерном и железом. Она находилась в той самой безжалостной пропасти между царской знатью и бессловесным скотом: не рабыня для общего труда, но и не спутница принца. Каждый встречный воин из охраны обоза знал: эта северянка — личная добыча Железного Принца, но обращаются с ней пока как с военным трофеем, чья судьба еще не решена окончательно.В пути произошло несколько сцен, окончательно закрепивших это жесткое разделение.В полдень, когда палящее солнце раскалило камни добела, караван сделал привал у пересохшего русла ручья. Софи сидела на растрескавшейся земле, чувствуя, как пыль въелась в разбитые пальцы и саднящие раны.Одна из столичных наложниц, высокая и надменная женщина по имени Шатату, сбежавшая от пыли в тень шатра, презрительно скривила губы, разглядывая северянку. Она подошла ближе, шурша дорогими одеждами, и брезгливо толкнула носком сандалии глиняную чашку с мутной водой, которую рабам бросили на землю.— Смотрите-ка, дикий зверь снова рядом с хозяином, — громко, с издевкой бросила Шатату, привлекая внимание отдыхающих воинов. — Принц подобрал эту бродяжку на помойке, но в новых землях она быстро сдохнет от жажды. Ей место в цепях на каменоломнях, а не подле царского шатра.Софи подняла голову. Её глаза — серые, холодные, как северное небо перед бурей — впились в лицо наложницы без тени страха. Она не издала ни звука, но в этом молчаливом взгляде было столько скрытой угрозы, что Шатату невольно отшатнулась, чувствуя себя неуютно под прицелом этой варварки.В этот момент из командирского шатра вышел Шаррукин. Он услышал шум и остановился в нескольких шагах, скрестив руки на груди. Его темный, тяжелый взгляд скользнул по испуганной наложнице, а затем остановился на Софи, которая всё так же прямо сидела на земле, не опуская головы перед чужими насмешками.Принц не сказал ни слова в её защиту — в этом суровом мире жалость была слабостью. Но он подошел к Шатату ближе, и от одного его ледяного взмаха руки женщина поспешно ретировалась обратно в тень.Позже, когда караван уже собирался продолжать путь, Шаррукин проезжал мимо шедшей в пыли Софи. Он придержал коня, глядя на неё сверху вниз. На его смуглом лице застыла маска абсолютного безразличия, но в глубине темных глаз тлел тот же знакомый огонь.— Ноги еще держат тебя, северянка? — негромко бросил он, так чтобы не слышали конвоиры. — Дорога долгая. Если упадешь — тащить тебя на себе никто не станет.Софи подняла на него

пыльное лицо, тяжело выдохнув воздух, раскаленный степным ветром.— Не дождешься, — хрипло, на ломаном вавилонском языке выдавила она свой первый осознанный ответ в дороге.Шаррукин на секунду замер, едва заметно дернув уголком рта, после чего ударил коня пятками в бока и ускакал вперед во главе колонны. Караван снова заскрипел колесами, увлекая их обоих всё дальше на восток — навстречу бурям, которые ожидали их впереди.

Глава 14

На исходе третьей недели пути выжженные степи окончательно сменились суровым предгорьем. На горизонте выросли зубчатые стены древней крепости — центра завоеванных Шаррукиным восточных провинций. Это место пахло не столичной роскошью и благовониями, а сухим ветром, сырой глиной и раскаленным железом.Караван въехал во внутренний двор Цитадели.Прибытие царского обоза сразу всколыхнуло местный гарнизон и челядь, но главное напряжение вспыхнуло внутри самого двора. Столичные наложницы, выбравшись из крытых повозок, брезгливо отряхивали пыль со своих шелковых одежд, оглядывая новые покои с явным отвращением.Среди них выделялась Шатату — дочь влиятельного столичного вельможи, привыкшая считать себя первой среди женщин принца. Теперь, очутившись в диком крае, она судорожно пыталась вернуть себе прежнюю власть и влияние в покоях. И главной преградой на этом пути она видела именно северянку.Софи, сбросившую по прибытии сыромятные путы, разместили не в общем бараке для рабынь и не в пышном гареме, а в небольших, полутёмных покоях у самого входа в личные апартаменты принца. Она снова оказалась той самой «тенью» у его дверей — положение, которое сводило столичных наложниц с ума от зависти.В тот же вечер интриги внутри женской половины замка дали о себе знать.Софи сидела на циновке, пытаясь отмыть въевшуюся за долгую дорогу пыль, когда двери в её комнаты бесшумно отворились. На пороге стояла Шатату в сопровождении двух верных служанок, привезших из столицы медные кувшины и тяжелые шкатулки.— Смотрите-ка, дикарку решили поселить прямо у дверей принца, — с ядовитой улыбкой произнесла Шатату, медленно подступая ближе. — Думаешь, если он притащил тебя сюда в цепях, ты стала кем-то важным? Ты всего лишь трофей, который выкинут на мороз, как только он тобой насытится.Софи медленно поднялась на ноги, отжимая мокрые волосы. Она понимала лишь часть вавилонских слов, но тон, взгляды и повадки этой женщины были понятны без перевода.Шатату подошла вплотную, презрительно оглядев её скромное туникообразное платье.— Послушай меня, собака, — тихо шепнула наложница, сделав шаг вперед и демонстративно задев Софи плечом. — В столице у тебя был защитник. Здесь, на этих диких землях, принц будет занят войной. А его покоями и его досугом буду заправлять я. Если попытаешься встать у меня на пути — твой труп найдут в одном из выгребных колодцев.Софи не отступила ни на сантиметр. В её серых глазах вспыхнул тот самый ледяной северный огонь, перед которым когда-то замер сам Шаррукин. Она сделала полшага вперед, нависая над изнеженной столичной вельможей, и произнесла на ломаном, но четком вавилонском:— Попробуй.Шатату отшатнулась, обожженная этой непреклонной уверенностью. Она хотела сказать что-то еще, но за дверью раздались тяжелые, чеканные шаги, и наложницы спешно ретировались.Ближе к полуночи в главном зале Цитадели стояла тяжелая тишина. Шаррукин сидел за массивным дубовым столом, разбирая карты восточных границ и доклады о налогах с покоренных племен. У дверей тихо стоявшая Софи следила за каждым его движением, привыкая к новой обстановке.Внезапно тяжелые дубовые двери зала со скрипом распахнулись.В помещение буквально ворвался всадник, покрытый слоем серой пыли и грязи. Его доспехи были рассечены, а лицо потемнело от усталости. Это был Ирра — верный соратник и близкий друг Шаррукина, которого принц оставил в столице приглядывать за действиями царского совета и отцовских министров.Шаррукин мгновенно поднял голову от карт, вскинув бровь.— Ирра? — голос принца прозвучал как удар стального клинка. — Ты должен быть в Вавилоне. Что заставило тебя загонять коней и мчаться на восток?Ирра тяжело опустился на одно колено, тяжело дыша и едва переводя дух. Он бросил быстрый взгляд на Софи, стоящую в тени, а затем поднял глаза на своего повелителя.— Мой принц... — хрипло выдохнул соратник. — Как только твой обоз покинул столицу, советники твоего отца и люди Ашшур-надина сделали ход. Они не простили тебе позора в твоих покоях.Шаррукин медленно поднялся из-

за стола, его пальцы сжались на рукояти кинжала.— Говори.— Они отправили вслед за твоим караваном тайный отряд царских убийц и доносчиков, — выдохнул Ирра. — У них указ, подписанный тайной печатью совета: на первых же землях обвинить тебя в измене против царя, а северную рабыню и твоих верных людей уничтожить прямо здесь, в Цитадели, под видом мятежа местных племен! Они уже в двух днях пути отсюда, Шаррукин. Твой тыл под ударом.

Глава 15

Тишина, рухнувшая на каменный зал Цитадели после слов Ирры, казалась плотнее горных пород.Шаррукин не сдвинулся с места. Его лицо, освещенное лишь дрожащим пламенем масляного светильника, превратилось в маску из темного гранита. В темных глазах принца вспыхнуло такое холодное, абсолютное бешенство, при котором воины на поле боя бросали оружие и падали на колени.Столичный совет решил сыграть по-крупному. Старый царь, возможно, и дал сыну автономию на востоке, но дворцовые шакалы не собирались отпускать добычу. Они решили задушить Железного Принца в его же собственной цитадели, прикрывшись бумагами и фальшивыми обвинениями в измене.— В двух днях пути? — голос Шаррукина прозвучал тихо, но каждый звук в пустом зале отдавался металлическим звоном.— Да, мой принц, — склонив голову, подтвердил Ирра. — Они идут под видом торгового каравана, но у каждого под попонами коней скрыты царские мечи. Их цель — взять крепость изнутри, пока гарнизон еще не присягнул тебе до конца.Шаррукин медленно обернулся. Его тяжелый взгляд скользнул по разложенным на столе картам, по глиняным табличкам, а затем резко перетек в угол комнаты, где неподвижно стояла Софи.Всё это время она молча наблюдала за ними. Она не понимала каждого вавилонского слова, но по напряженным телам мужчин, по отблеску стали и по знакомому холоду в глазах принца уловила главное: петля снова затягивается. Враги из того далекого, золотого города пришли за ними обоими.Принц шагнул от стола, решительно отбросив полу тяжелого плаща.— Пусть идут, — в его голосе не было ни капли страха, лишь мрачное предвкушение бойни . — Они думают, что загнали волка в ловушку на чужих землях. Но они забыли, кто эти земли завоевал и кровью полил.Шаррукин резко повернулся к верному соратнику:— Ирра, подними гарнизон. Ни один человек из этого «торгового каравана» не должен дойти до стен Цитадели живым. Встретим их на перевале у Черного ущелья. Пусть столичные крысы знают, какова цена за попытку сунуть нос в мои владения.— Будет исполнено, Шаррукин, — соратник поднялся с колена, тяжело опершись на меч, и стремительно вышел из зала.Дверь за ним захлопнулась, оставив принца и пленницу наедине в полумраке ночного зала.Шаррукин медленно подошел к Софи. Между ними оставалось всего пара шагов. Он смотрел на неё сверху вниз — на её гордую осанку, на упрямо сжатые губы, на шрамы и пыль, которые не могли стереть дикую, неукротимую красоту северянки. Столичные наложницы дрожали бы сейчас от страха перед лицом войны, но эта женщина стояла прямо, как клинок, закаленный в огне.Принц протянул руку и грубо, но без прежней жестокости коснулся пальцами её подбородка, заставляя поднять лицо.— Слышала, северянка? — тихо и хрипло произнес он, глядя прямо в её серо-ледяные глаза. — Твои соотечественники на севере умеют воевать, но здешние стервятники еще глупее. Они хотят моей крови. Они хотят забрать тебя обратно в свои цепи.Софи не шелохнулась. Её дыхание касалось его кожи, а пальцы левой руки судорожно сжались в кулак.— Посмотрим... — едва слышно, на чистом вавилонском выдохнула она, впервые назвав его по имени, пусть и с тяжелым акцентом: — Шаррукин.Принц на секунду замер. В темных глазах что-то оборвалось — та последняя грань, отделявшая жестокого господина от мужчины, который уже не мог представить свою тень без её света. Он резко притянул её к себе, вплетая пальцы в спутанные светлые волосы, и в его взгляде сгорели все законы Вавилона, вся политика и все угрозы старого трона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.